

4. Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. - М.: Наука, 1977. - 187 с.
5. Вайнберг Б.И. Экогеография Турана в древности. VII в до н.э, VIII в. до н.э., - М.: Восточная литература, 1999. - 359 с.
6. История Казахстана. В пяти томах, Т.1. - Алматы: Атамұра, 1996. - 544 с.
7. Мизиев И. Древнейшие этнокультурные пласты истории тюркских народов// Алем: Альманах, - Алма-Ата: Жазушы, 1991. - С. 34 - 56
8. Геродот. История: Перевод и примечания Г.А.Стратановского. - М.: Ладомир, 2002. - 752 с.
9. Всемирная история: в 24 томах, Т.3, Век железа. - Минск: Литература, 1996. - 512 с.
10. Варенов А.В. Иньские шлемы и проблемы боевого оголовья эпохи поздней бронзы // Известия СО АИ СССР. Серия истории, филологии и философии, № 14 (389), Вып.3, 1984. - С.45 – 49
11. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. - Алматы: Санат, 1998. - 390 с., Т.2, - Алматы, 1998. - 352 с., Т.3. - Алматы, 1999. - 352 с.
12. Горелик М.В. Оружие Древнего Востока. - М.: Наука, 1993. - 349 с.
13. Фань Вэнь-Лань. Древняя история Китая от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. Т.1, - М., 1958. - 598 с.
14. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Древней Евразии.-СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. - 346 с.

Поступила в редакцию 8.08.2009.

С.Т. РЫСБЕКОВА

КАЗАХСКОЕ ОБЩЕСТВО В 1920-Е ГГ. - СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ

The structure and social-economical status of Kazakh society in 1920 years.

The Kazakh society was exposed to political, social-economical movements in the 20-th of XX century. The formation of national-state organization was not affected only by the changes of administrative structure, but also by the establishment of frontier. The formation of Soviet social-political system is connected with the appearance of new civil, public institutions, new law system, hard transformational changes. Traditional governing model was acknowledged from the ideological, political and cultural point of view and new principle power was formed. The social state of the Kazakh society is defined by different complex circumstances: during the formation of market economics was traditional economy transformation, the intensive integration of ethno social group of different nations within modern infrastructure foundation, evolution of national consciousness and political-judicial description. The Kazakh social structure was changed with the spread of education.

Следует напомнить, что в имперский период территория современного Казахстана управлялась из нескольких региональных центров. В состав Западно-Сибирского (Степного) генерал-губернаторства с центром в Омске входили Акмолинская и Семипалатинская области, Оренбургского – Тургайская и Уральская, Туркестанского с центром в Ташкенте – Семиреченская и Сыр-Дарьинская. Букеевская орда подчинялась Астраханскому губернаторству. По данным Всероссийской переписи 1897 г., в крае насчитывалось 4971,8 тыс. жителей, в т.ч. казахов – 3399,5 тыс., русских и украинцев – 532,7 тыс., узбеков – 83,5 тыс., уйгуров и дунган – 56 тыс., татар – 55,4 тыс. В Туркестане насчитывалось около 1 млн. 900 тыс. казахов [1].

В 1920 г. в основном завершилась жесточайшая Гражданская война. Казахстан в августе 1920 г. получил статус советской автономии в составе РСФСР [2]. До 1936 г. Казахская республика входила на правах автономии в состав РСФСР. Собственно процесс «собирания земель» происходил уже после провозглашения КАССР. Так, в начале 1921 г. начались переговоры о входивших в состав Туркестана районах с преимущественно

казахским населением. Семиреченская и Сыр-Дарьинская области Туркестанской АССР были включены в состав Казахстана после национально-государственного размежевания в Средней Азии в 1924 г. В начале 1925 г. столица республики была перенесена на юг - в г. Ак-Мечеть (до 1922 г. Перовск), вскоре переименованный в Кызыл-Орду. 6 апреля 1925 г. решением ВЦИК Оренбургская губерния была выделена из состава Казахстана. В КАССР вошла также образованная из туркестанских и хорезмских каракалпаков автономная область, затем перешедшая в Узбекскую ССР на правах автономной республики. Территория КАССР к середине 1920-х гг. увеличилась почти на 700 тыс. кв. км (почти на треть) и стала второй по площади после РСФСР, население – на 1468724 чел. В КАССР проживали 57,1% из 3852 тыс. казахов, вне республики – около 4% (138 тыс.), в т.ч. в Нижне-Волжском крае, например, 49 тыс. (1%), в Сибири – 45 тыс., в Средне-Волжской области – 21 тыс. Родным казахский язык в Казахстане считали на 3,5 тыс., или на 0,1% больше этнических казахов [3].

Создание советов происходило одновременно с революцией в отношении собственности, утверждением нового законодательства, формированием сети новых общественных звеньев, скреплявших граждан зарождающегося государства в единое целое. Для национально-государственных образований формирование новой системы управления должно было означать и одновременное искоренение неравных возможностей в доступе к власти на основе этноконфессиональной принадлежности. Разнообразные концепции федерализма и унитаризма, направления и практические мероприятия, сочетавшие относительно демократические и авторитарные методы решения этнонациональных проблем, испытывались в советском государстве на практике в чрезвычайных обстоятельствах демодернизации как следствия революционных катаклизмов, за короткий промежуток времени апробировались многие конкретные формы и способы преобразований в этой сфере.

Становление советской социально-политической системы сопровождалось глубокой трансформацией форм и способов гражданской активности широких слоев общества. Прежние традиционные модели взаимодействия организованных структур управления (имперских и традиционных внутриэтнических) с различными социальными и демографическими группами населения были отвергнуты как негодные в политическом, идеологическом и культурно-ценностном смысле. Новая структура власти выстраивалась, одновременно формируя декларируемые как абсолютно новые принципы социально-политической действительности. Центральное место в них отводилось «пробуждению» мощной народной инициативы и самодеятельности, которые должны были при поддержке и под управлением самой власти создать пространство социальной справедливости, неограниченных для «простого» человека возможностей участия во всех сферах общественной жизни – экономике, управлении, культуре и т.д.

Социальный облик казахского общества в этих условиях определялся комплексом разнообразных обстоятельств – сохранением веками оправдавших себя форм самоорганизации и хозяйствования, развитием рыночной экономики при одновременной трансформации традиционных способов производственной практики, интенсивной интеграцией различных этносоциальных групп населения, постепенным формированием современной инфраструктуры, эволюцией политико-правовых характеристик и национального самосознания. В частности, в начале XX в. определенную роль в увеличении внешнего и внутреннего товарооборота, расширении товарообмена сыграла железная дорога Оренбург-Ташкент, построенная в 1901-1905 гг., связавшая Южный Урал, Казахстан и Среднюю Азию в единое экономическое пространство. Развитие железнодорожных средств сообщения изменило экономическую ситуацию и способствовало втягиванию края в региональный торговый рынок, развитию стационарных форм торговли (магазины, торговые дома, торговые представительства банков) и превратило населенные пункты Казахской степи в торгово-промышленные

селения с транзитными функциями. Вместе с тем, неравномерность в расположении рельсовых путей оказала влияние на динамику экономического развития районов, как оказавшихся вне современных средств сообщения.

Конечно, надо иметь в виду и разрушительные последствия событий 1914-1920 гг. для всех народов евразийского пространства. В социально-экономическом плане выделим практическое отсутствие капиталистических начал и связанных с ними культурных характеристик. Как подчеркивал в 1919 г. А. Байтурсынов, «у киргизов нет ни капитализма, ни классовой дифференциации; даже собственность у них не так резко разграничена, как у других народов: многие предметы потребления считаются у них общественным достоянием» [4].

Формирование самосознания как основы этничности у казахов определялось рядом факторов внутрикультурного свойства и объективными условиями развития народа. Динамика развития идентичности в XX в. постепенно ускорялась. Хотя уже в XVIII и особенно в XIX вв. вследствие все более активного втягивания региона в общероссийскую экономику, участия казахов в важнейших военно-политических событиях Российской империи, а также усложнения форм социальной организации, медленного, но неуклонного перехода от кочевых к полукочевым и оседлым формам жизнедеятельности, интенсивного общения казахской элиты и ссыльных представителей русской демократической интеллигенции и других обстоятельств казахский этнос обретал новое качество развития в рамках мирового сообщества.

Это отразилось на социальной структуре населения. По данным переписи 1897 г. казахи составляли 82% населения Степи, но среди горожан их доля была минимальной – только 41 тыс. из 265,4 тыс., или 15,4%. Русское городское население достигало 50,8%. Лишь Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент на юге возникли как национальные города. В изучаемый период численность фабрично-заводских рабочих в Степном крае (накануне Первой мировой войны) составляла около 50 тыс. чел., т.е. 1,2-1,4% населения. Уже весной и летом 1918 г. были национализированы крупнейшие предприятия республики: Риддерские рудники, Экибастузские копи и свинцово-цинковый завод, железные дороги, Иртышское и Аральское пароходства, рыбные, соляные и прочие промыслы, банки и казначейства, предприятия компании Зингер, кожевенные заводы, мельницы, хлебопекарни, типографии [5]. При этом значительная часть рабочих, активно привлекавшихся к экспроприации частной собственности, составляла переходный тип, не прошедший системную адаптацию в профессиональном и социально-культурном плане, а казахи в самой незначительной степени были вовлечены в машинное производство и урбанизацию.

Подавляющее большинство населения республики составляли жители аулов и сел. Противоречивые качественные изменения в сельском хозяйстве и положении аграриев начала XX в. (развитие земледелия и оседания кочевников, рост значимости рыночных инструментов в производстве продукции, имущественное расслоение и др.) усугублялись тяжелейшими последствиями войны. Хотя кочевая культура господствовала, переход к оседлости уже осознавался как неизбежный. А.Н. Букейханов, к примеру, писал о трансформации казахского общества в начале XX века: «Казахи осели на землю, привычное, старое представление о них, как о вечно кочующем народе является простым анахронизмом и свидетельствует лишь о невежестве нашей бюрократии» [6]. поголовье скота в целом за 1914-1922 гг. сократилось более чем на 10,5 млн. Огромный урон экономике и самой жизни народа нанес голод начала 1920-х гг. По мнению Т.И. Седельникова, в 1921 г. «бесхозяйственный пролетариат» составлял «не менее 10% киргиз, или около 500 тыс. Бесхозяйственных и батрацких семей в оседлых районах до 20 – 30%, иногда до 40% (в Лбищенском уезде)». По официальным данным, с 1920 по 1923 гг. количество крестьянских хозяйств в республике сократилось почти на треть, посевная площадь в 3 раза, валовой сбор зерна упал в 5 раз [7].

Модернизационные и демодернизационные процессы начала XX века, являя свои

очевидные и неоднозначные последствия, все же мало изменили существо этнокультурных доминант. Социально-психологическая атмосфера и структура общества складывалась под сильным влиянием регионального (жузового) и родового принципов идентификации. Как подчеркивал Х. Досмухамедов (1883-1939), при кочевом образе жизни и родовом устройстве личность и род в казахском народе играли выдающуюся роль» [8]. Феодално-родовая община со строгой иерархией, экономической зависимостью между имущими слоями и беднотой, переплетавшимися со сложной системой родственных уз и предпочтений, устойчивый авторитет представителей аристократии и образованных людей, - все это пронизывало повседневную жизнь и мировосприятие казахского социума. Э. Шац правомерно подчеркивает значение колониальной экспансии России и политики царизма в ускорении формирования этнического самосознания и в усилении родоплеменной борьбы. В то же время все еще низкий уровень грамотности и огромные пространства, лишённые современных коммуникаций, тормозили консолидацию этнического сознания [9].

Социальная структура казахов менялась также с распространением образования. В начале XX в. в Восточном Казахстане, например, относительная численность грамотных среди городских жителей-казахов была в 3,6 раза выше, чем среди сельских, причем уровень грамотности всегда зависел от социального положения людей. В городах региона работали 15 мусульманских училищ при мечетях, в средних и высших учебных заведениях учились 60 чел. (в вузах – 2 чел.), в т.ч. 2 женщины [10]. Русско-туземные школы досоветского периода играли определенную роль в усилении общероссийского вектора социализации молодежи, которая при этом определенное время училась также в мектебе или у аульного муллы, к тому же эти школы далеко не отвечали потребностям в подготовке разнообразных специалистов. В 1905 г. в Тургайской области было 94 таких школы, в Семипалатинской – 27, Акмолинской – 145. Из 31 студента-казаха в 1890-1900 гг. 26 были выходцами из семей служащих российских административных органов края [11].

В 1911 г. на территории республики было 1475 школ с 81400 учащимися, почти исключительно в городах. В начальных школах казахов насчитывалось лишь 6100, в средних школах их не было. Выходили не более 10 газет, в т.ч. на казахском языке 1-2. На весь огромный регион приходилось 2 тыс. км железных дорог, 98 больниц с 1660 койками, а из 196 врачей в ауле не было ни одного, 50% детского населения умирало из-за отсутствия должного медицинского обслуживания, «социальные болезни свили себе прочное гнездо в ауле». Голод, разруха, социальная деградация периода гражданской войны чрезвычайно затруднили ситуацию. В 1921/22 уч.г. посещаемость в школах республики составляла 30-40%, многие школы переводились с государственного бюджета на общественное содержание [12]. В целом общий уровень грамотности и социальной инфраструктуры, социального обеспечения населения были очень низкими, а нужда в кадрах со средним и высшим профессиональным образованием – крайне острой. По переписи 1920 г. из 3903000 лиц обоего пола в республике грамотных было 683700, в т.ч. от 14 и старше 40 лет [13]. Начавшееся создание полноценной системы образования было тесно увязано с идейно-политической «перекодировкой» программы, содержания обучения, принципов подготовки кадров для всех звеньев школы – от пунктов ликвидации безграмотности до вузов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Казахской ССР. Т.1. С. 404; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.LXXXII. Закаспийская область. СПб., 1904. С.54-55; Там же. Т.LXXXIII. Самаркандская область. СПб., 1905. С.48-49; Там же. Т.LXXXV. Семиреченская область. СПб., 1905. С.52-53; Там же. Т.LXXXVI. Сырдарьинская область. СПб., 1905. С.56-57; Там же. Т.LXXXIX. Ферганская область. СПб., 1904. С.60-61.
2. Аманжолова Д.А. Казахская автономия: от замысла националов к самоопределению по-

- советски // Acta Slavica Japonica. The Slavic Research Center, Hokkaido University. Tomus XXI, 2004. С. 115-143.
3. ЦГА РК. Ф. 755. Оп. 1. Д. 30. Л. 1; Революционный Восток. 1934. № 6; Новый Восток. 1925. № 8-9; Национальный состав РСФСР (по переписи 17 декабря 1926 г.) // Власть Советов. 1928. 25 ноября. № 47. С. 11.
 4. Байтурсынов А. Революция и киргизы // Жизнь национальностей. 1919. № 27 (39). 3 августа.
 5. См.: Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917-1980). Алма-Ата, 1991. С. 42, 55, 58; Народное хозяйство СССР в цифрах. М., 1924. С. 145; Труды ЦСУ СССР. Т. 26. Вып. 1-2. М., 1926. С. 80.
 6. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII - начале XX вв. Алма-Ата, 1971; Казахи о русских до 1917 года. Оксфорд, 1985. С.26.
 7. Сборник статистических сведений о движении населения, скота и урожаях по КАССР с 1880- по 1922 г. Оренбург, 1925. С. 68-69; Россия и Центральная Азия. 1905-1925 гг. Сб. документов. Караганды, 2005. С. 336-337; Компартия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т.1. Алма-Ата, 1981. С. 120-121.
 8. Досмухамедов Х. Содержание народной культуры // Антология социально-политической мысли Казахстана с древнейших времен до наших дней (в двух томах). Алматы: Институт развития Казахстана, 2002. – 556 с. С. 349.
 9. Шац Э. Роль государства в устойчивости родовых связей в Казахстане // Казахстан и Россия: общества и государства. М., 2004. С. 114-132.
 10. Адильбаева А. Образовательный уровень городского населения Восточного Казахстана в конце XIX-начале XX века // Высшая школа Казахстана. 2007. № 1. С.245.
 11. Букейханов А. Киргизы // Кастелянский А.И. (ред.). Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, россия, германия. СПб., 1910. С. 594-595; Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). Уфа, 2001. С. 215-217.
 12. Мирзоян Л.И. О проекте Конституции Казахской ССР. Цит. по: Антология социально-политической мысли Казахстана с древнейших времен до наших дней (в двух томах). Алматы: Институт развития Казахстана, 2002. С. 445, 448-449; ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 381. Л. 42.
 13. Заволжская М. Ликвидация неграмотности в Кирреспублике // Советская Киргизия. 1924. № 7 (10). С. 11-19. С. 12.

Поступила в редакцию 17.07.2009.

А.Н. СВИРИДОВ

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИИ УСУНЕЙ

Question of the dating and ethnic interpretation of usun`s monuments is one of the key problems in Kazakhstan`s the iron age archeology. This ethnos is known on written sources and inhabited on territory of Semirechiye on border of eras. In presented work author considers modern standpoint on questions connected with base of Usun`s economy and the forms of social formation of their society. Rise the questions about Usun`s relationship with preceding Saka and changed them in region Turkic tribes.

В археологии железного века Казахстана существует проблема этнической интерпретации усуньских племен, обитавших на территории Семиречья и Северной Киргизии на рубеже эр. Сегодня исследователи склоняются к мысли, что политическая организация созданная именно усунями является первым государственным образованием на территории древнего Казахстана [1,65]. При этом необходимо учитывать, что усуньские памятники изучаются чуть